

ОТ АВТОРА

Этот роман не совсем обычный. Он не похож на классический детектив, где о преступлении становится известно с первых же страниц. Здесь читатель окажется вовлечен вместе с моими сыщиками в историю о поиске наследников. Начавшись вполне банально, она становится все загадочней и загадочней, неумолимо затягивая всех ее участников в темные тайны прошлого.

Сюжет романа основан на реальных событиях.

...Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...

Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой...»

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

М. Лермонтов. Мицри

...В воде невозможно дышать! Кажется, она знала об этом раньше, но все равно изумление и отчаяние охватили ее. Девочка рвалась изо всех сил вверх, извивалась, как водяная змея, чтобы высвободить ногу и добраться до поверхности, до воздуха. Один раз ей это даже удалось! Она успела коротким мощным вдохом набрать побольше воздуха в легкие, но снова ушла под воду и снова продолжала вырываться из пут, хотя силы кончались, она чувствовала — силы ее кончались...

Вдруг что-то потащило ее к скалистому камню — она видела сквозь толщу воды, как неумолимо приближается его черная громада. Голова ее ударилась с размаху о его ребристый бок и...

И всё. Свет погас. Вместе с памятью и жизнью.

ПАРИЖ

— ...И вот Кис им говорит: «Ваш отец тяжело болен и хочет составить завещание в вашу пользу». А они: «Какой еще отец? Наш умер три года назад!» Представляешь?

Реми убрал телефон в карман.

— Ну умер, да завещание оставил, чего тут такого, — пробормотала Ксения, не отрывая взгляда от экрана ноутбука.

Реми посмотрел на жену. Заходящее солнце, проскользнув лучом в настешь открытое окно, окрасило игриво-розовым ее плечо. Похоже, Ксюша мужа не слышала: она сосредоточенно постукивала по клавиатуре. Наверное, над книгой работала. Она уже давно решила писать романы, причем детективные, хотя пока ни один из ее замыслов не превратился в законченный текст. Реми из-за этого ничуть не переживал — напротив, радовался, что жена нашла занятие по душе. Ксюша тоже не унывала. Роман — ее хобби, которому она посвящала время тогда, когда душе было угодно. Ничто и никто ее не торопил. В деньгах они не нуждались — хоть богатыми себя не считали, но заработков Реми, частного детектива,

хватало на жизнь вполне комфортную. Славы Ксения тоже не искала, тщеславие не тревожило ее душу. Так что писала она исключительно тогда, когда писалось. Как сейчас.

— Ты все прослушала, признайся, негодница!

— Муза... — рассеянно произнесла Ксения. — Муза, представляешь, напала, как придушила. Вот пишу под ее диктовку.

— Счастливые люди писатели. Мне бы кто нашептывал разгадки...

— Что-что?

Взгляд жены по-прежнему устремлен на экран, она его не слышит. Ладно, не впервой. Реми пошел на кухню, запустил кофейную машину. Заслышав звук, Ксюша крикнула: «Мне тоже, пожалуйста!»

Она работала в гостинной. У них имелась неплохая трехкомнатная квартира в пятнадцатом округе Парижа с видом на самый верх Эйфелевой башни: гостиная, спальня и кабинет Реми. Когда Ксюша переехала к нему, он предложил оборудовать там письменный стол и для нее: компьютер ведь необходим всегда. Однако Ксения отказалась. Она предпочитала кочевать со своим ноутбуком, который звала «букой» — в зависимости от настроения. Сегодня оно привело ее в гостиную, где Ксюша устроилась на клетчатом диване, скрестив ноги и угнездив «буку» меж коленок.

Реми придвинул кофейный столик (на колесиках, удобно!) к этому самому дивану, принес две чашки. Ксения оторвалась от компа.

— Спасибо, мон кёр¹. Так что ты хотел мне рассказать?

Светло-зеленая майка на бретельках обнажала ее плечи, натягивалась на груди, свободно струилась на талии и заканчивала свой бег, уткнувшись в джинсовые шорты. Ксюшины дивные волосы — длинные, каштановые, волнистые, сведшие его с ума в первый же день знакомства в Москве, — сегодня были заплетены в косу и уложены вокруг головы. Красота такая, что глаз не оторвать. Реми смотрел на жену и не мог понять: как он два года назад оказался на грани измены? Мало того что Ксения хорошенькая, грациозная, умненькая, так у нее еще и характер чудесный, легкий. Не жена, а подарок...

Но в какой-то момент совершенство показалось пресным. К тому же Ксюшина ребячливость, наивность вдруг стали его раздражать. Хотя он прекрасно знал: она не наигрывает, она действительно такая...

Невероятно, непонятно. Ему вдруг захотелось несовершенства. Чего-то остренького. Даже горького. Потому что совершенство чересчур сладко.

От измены его удержал не разум, не моральные соображения, не чувство долга — случайность. Яркая темпераментная брюнетка с дерзким ртом, к которой он направлялся «в гости», неожиданно оступилась, выходя из машины. Упала она неудачно, сломала ногу. В итоге Реми оказался в тот вечер отнюдь не

¹ Мон соеиг — мое сердечко (*фр.*).

на любовном ложе, а в больнице, куда доставил несостоявшуюся любовницу.

После этого происшествия они еще месяц с лишним осуществить задуманное не могли — по состоянию ее здоровья, так сказать; а там и пыл Реми охладел, уступив место чувству вины и раскаянию.

Разумеется, вина и раскаяние не способны помочь в делах любовных — не те это эмоции, от которых рождается (или возрождается) страсть. Реми Ксюшу любил, она стала ему родной, и даже желание привычно поднималось в нем, когда он ощущал ее тело рядом. Но что-то утратилось. И он опасался, что безвозвратно.

Ксения, если и заметила перемены в поведении мужа, то ничем себя не выдала. Была, как всегда, легка, ласкова, смешлива и беспечна. Разве только стала больше интересоваться его расследованиями, но это Реми не удивило: она ведь детективные романы сочиняет.

В скором времени Реми привык рассказывать жене о ходе следствия и даже советоваться с ней. Более того, она вызвалась помогать ему в слежке за объектом. Ксении невероятно нравились эти приключения — иначе их и не назовешь, поскольку приходилось часто переодеваться, менять облик и даже манеру держаться, — этакая смесь театрального действия и шпионского фильма. А Реми смотрел на жену и каждый раз видел в ней новую женщину. Что было возбуждающе пикантно.

Неожиданно их союз приобрел новые грани: совместная деятельность, к тому же интеллектуальная, к тому же с элементами игры, очень сближает. И укрепляет. И вносит разнообразие. Они даже решили немного отодвинуть план деторождения, их жизнь стала настолько увлекательной, что ничего не хотелось в ней менять. Ну, пока, по крайней мере. На детей еще будет время. А сейчас они счастливы друг с другом.

— Ксю, мне только что звонил генеалог.

— Хм. Похоже на «гинеколог». Но догадываюсь, что это от слова «генеалогия».

— Твоя проницательность меня восхищает, дорогая, — съехидничал Реми.

— Он на твоём генеалогическом древе нашел сочный плод в виде богатого дядюшки из Америки?

— Нет, я получил работу.

— Тоже неплохо, — кивнула Ксюша, отпив кофе. — И какую же?

— Довольно странную. Ты знаешь, что генеалоги часто работают по заказу нотариусов, чтобы разыскать наследников, о которых никто ничего не знает. Человек умер, осталось некое состояние, прямых наследников нет, и тогда генеалоги начинают рыть. До шестой степени родства, кажется. Случается, ищут в других странах...

— Да, слышала о них... А у нас нет шоколада?

— Ты имеешь в виду плитку или какао-порошок для горячего?

— Плитку, конечно. Мне нужен кусочек шоколада к кофе.

— Должен быть, если ты весь не съела.

— Где?

— Посмотри в холодильнике. Лето жаркое, нельзя его просто в шкафчике держать.

— Точно, ты мне говорил!

Ксения соскользнула с дивана, метнулась в кухню. Хлопнула дверца холодильника, и Ксюша вернулась, торжествуяще размахивая четвертушкой плитки.

— Надо будет завтра купить еще, это последний... Так что там у генеалогов приключилось?

Реми немного раздражала ее манера постоянно отвлекаться от предмета беседы, но, к чести жены, следовало признать: она практически никогда не теряла нить разговора.

— Представь, какая вышла странная история: один мужчина, тяжело больной, призвал нотариуса в больницу...

* * *

...Этьен Пасье знал, что умирает. Его сжирал рак. Врачи делали все, чтобы облегчить ему страдания, им это даже неплохо удавалось, но Этьен не обольщался и не принимал отсутствие боли за улучшение. Ему пообещали два месяца, максимум три, и теперь он с удивлением обнаружил, что у него появилось свободное время. Абсолютно пустое, ничем не занятое время, чтобы поразмыслить о прожитой жизни.

Никогда раньше Этьен о ней не размышлял: он по ней бежал. Дела вечно толкали вперед, некогда было даже голову повернуть назад — увидеть, что там осталось, за спиной. Да и сейчас он бы по своей воле оборачиваться не стал. Однако теперь, когда он оказался в ловушке свободного времени, мысли напали на него, как бандиты. Жестокие, беспощадные, неумолимые, они принялись терзать его, методично нанося удар за ударом, рану за раной.

ЖИЗНЬ НЕ СЛОЖИЛАСЬ — вот что они выбивали барабанной дробью в его мозг.

Он крутил головой на подушке, будто пытался уклониться от очередного удара. Но тот снова и снова его настигал: *напрасно жил, впустую прожил. Карьера сложилась, а вот жизнь...*

Карьера. Каким пустым стало это слово сейчас, когда от жизни остался лишь жалкий клочок. Всё, чему Этьен посвятил себя, превратилось вдруг в пшик. В лужу от растаявших дней. Бессмысленную, бесславную, бесполезную.

Почему так? Почему он раньше не знал, не предвидел? Не понимал...

Собственно, что значит *жизнь*? В чем ее смысл, ее соль? Этьен был финансистом, не философом, и затруднился бы внятно ответить на свой вопрос, но интуитивно понимал: если жизнь удалась, то перед смертью вспоминаешь хорошее. Мгновения, когда тебе было радостно.

И когда же Этьену было радостно? Когда проворачивал удачную сделку? Когда хвалили и благода-

рили за умножение прибылей? Это было приятно, да. И чувство удовлетворения, и гордость за отлично сделанную работу, все так. Но *радость*? Нет, не поймет.

Радость — настоящую, бешеную, головокружительную — он ощутил лишь однажды, когда влюбился. Любовь — вот радость.

Любовь?

Да что это вообще такое, любовь?

Родительской любви он не помнил. Опека, забота, строгие требования к поведению, внешнему виду, учебе — все это было, да. Он с детства привык к спартанскому образу жизни и дисциплине: в школе участвовал в скаутском движении, ходил в походы, учился обходиться малым. В семье за малейшее отклонение от предписанных правил наказывали Этьена строго, а вот поощрение... Только чуть больше карманных денег. Ни ласки, ни поцелуя. Тон задавал отец, мать ему вторила, как безликая ученица-зубрилка. Родители никогда не прижимали его к себе, не обнимали. Их тела, их запах навсегда остались для него неродными. Даже враждебными: наверное, так дикие звери воспринимают чужака. Помнится, даже когда отец заболел, Этьен не сумел до него дотронуться, поцеловать впалую щеку. С огромным трудом принудил себя коснуться губами холодного отцовского лба в гробу. С матерью вышло проще: после смерти отца она уехала жить на юг к своей сестре, на роскошную виллу на берегу Средиземного моря. Там же и умерла. До-

ставили тело в Париж для похорон в свинцовом гробу — погода стояла жаркая в то лето, — да так и не открыли для прощания. И Этьену не пришлось целовать материнский лоб.

Родительское воспитание не могло не повлиять на отношения Этьена с женщинами. Наверное, потому он вырос зажатым, брезгливым, и даже на пике плотского желания избегал целовать девушку. Совершить половой акт мог, но без поцелуев. Без ласк. Он не умел, не знал, как это делается, и не хотел. Хотя девушек, пытавшихся завести с ним отношения, было немало. Еще бы, получив огромное состояние от родителей, Этьен быстро его приумножил, став завидным женихом. К тому же он был вполне хорош собой: голубоглазый шатен с приятной улыбкой, искусственность которой мало кто распознавал, люди ведь падки на форму, не на содержание.

В тридцать девять лет он еще не был женат, знакомые поговаривали, что он гей, хотя в однополых отношениях Этьен замечен не был.

И вдруг — она. Невыносимо красивая. Нестерпимо сексапильная. Черные кудри струились до ягодиц, глаза-миндалины, брови взлет. И белоснежная кожа. И тончайшая талия. И небольшая, прекраснейшей формы грудь. А уж от линии бедер, от контура ягодиц, угадывавшегося под тонким платьем, вообще дыхание останавливалось. Таких женщин он раньше не видел. Вообще никогда, если не считать картинок в комиксах.

Оказалось, она русская¹. И звали ее Анжелика.

Русских он до этого момента тоже никогда не видел. Разве что по телевизору, где о них говорили очень нелестные вещи.

Но кто же верит телевизору? Этьен, занимая высокий пост в одном крупном инвестиционном фонде, водил дружбу со многими известными в различных сферах людьми, в силу чего имел доступ к негласной информации. И он отлично знал, до какой степени информация «беспристрастных» журналистов тенденциозна, а то и вовсе лжива, поскольку управляется всего лишь узким кругом заинтересованных лиц.

Анжелика была совсем не похожа на тех русских, о которых писала французская пресса. Только, пожалуй, излишне открытой одеждой, что привлекало к ней восхищенные взгляды всех встречных мужчин. Но такую красоту грех скрывать, право. К тому же держалась Анжелика с редким чувством достоинства. Начитанная, она отлично разбиралась не только в русской, но и во французской литературе, по-французски говорила почти без ошибок. Не сказать, чтобы она обладала прекрасным вкусом и манерами — скорее, была манерна. Но вкус — дело наживное. Анжелика впервые приехала во Францию и наивно полагала: раз модная вещь куплена в дизайнерском бутике, то она непременно хороша. Собственного вкуса (то есть внутреннего критика)

¹ После падения «железного занавеса» в Европе и Америке русскими называли всех выходцев из СССР.

у девушки попросту не имелось. Ей и в голову не приходило, что чрезмерно открытые наряды, мини-юбки и глубокие декольте выглядят вульгарно: как такое может быть, ведь она купила их у самых-самых знаменитых кутюрье!

Этьен мягко, без напора, взялся за воспитание ее вкуса. Она смеялась, удивлялась, шутила — и никогда не обижалась. Ко всем прочим достоинствам она еще обладала отличным чувством юмора.

Познакомился с ней Этьен на одной вечеринке — Анжелику туда привели друзья, у которых она гостила, — и влип сразу же, как оса в мед. Стал приглашать то на ужин в лучшие рестораны Парижа, то в Оперу, то в элитные клубы, а через две с половиной недели она неожиданно поселилась у него. К собственному изумлению, он сам ей предложил. А куда было деваться? Иначе бы она улетела! У нее кончалась виза!

Он не мог допустить, чтобы она улетела из его жизни.

Тогда во Франции было сурово — никаких нелегалов. Это сейчас все вдруг стали добренькие: живи в стране сколько влезет, даже без документов. Но тогда, чтобы удержать Анжелику, требовалось легализовать ее пребывание во Франции. И он, закоренелый холостяк, решил — предложил пожениться. Через каких-то три недели после знакомства! Раньше, бывало, он по три года муржилил девушку и все равно не женился. А тут — три недели.

Но ведь нельзя, чтобы она улетела!!!

Казалось, Анжелика была счастлива. Так обнимала его, так страстно целовала, а уж в постели просто с ума сводила. День свадьбы назначили через месяц, на октябрь, — раньше никак нельзя было, такие порядки. Он решил все обставить скромно, ведь не сезон: обычно ждут лета, чтобы в каком-нибудь замке отпраздновать, используя и лужайки, и парк, и залы с сотней-другой гостей. Но он на все наплевал. Он любил ее, боже, как любил! На все был готов. Даже нарушить традиции. Ведь приличные люди *так* свадьбы не справляют. Но тогда в нем бурлила невиданная радость, и он с легкостью отмахнулся от всего, что годами вбивали в его мозг родители. Люди из *высшего общества*.

«В нашей русской литературе, а это великая литература, ты ведь не станешь спорить, — говорила Анжелика, и глаза ее блестели, — главным считается жизнь души. Чувства. Любовь. А ты привык в своем *высшем обществе* считать главным социальное положение. Деньги. Бренды. Все внешнее, — грустно качая головой, говорила прелестная Анжелика. — Но на самом-то деле важно только внутреннее! Жизнь души!»

И он с ней соглашался. Это ведь абсолютно верно! Почему он сам об этом до сих пор не думал? Возлюбленная открыла ему глаза на истину. Она была умна, хорошо образованна — и в искусстве разбиралась, и в психологии, и философов цитировала, — а чего не знала, тому училась с лету. Он только диву

давался. И в то же время она была веселая, остроумная, легкая... Чудо какое-то.

Анжелика освободила его от всех зажимов, всех оков, всех проклятий его детства. Она объяснила Этьену, в чем его проблема; научила, как избавиться от брезгливости и полюбить чужое тело... И с тех пор они постоянно ребячились, шутили, смеялись, он почти не выпускал ее из своих рук: он познал счастье прикосновений, блаженство ласки. Он упивался ее запахом, он постоянно совал нос в ее густые волосы и вдыхал, вдыхал ароматы любимой женщины...

А пока они жили вместе, как муж с женой. И вскоре, за десять дней до свадьбы, она сказала, что беременна. И тест показала. Он не верил такой удаче: сразу и жена, и ребенок! Сразу, одним махом, семья! Он уже почти перестал мечтать о ней...

Этьен завалил Анжелику подарками. Не отказывал ни в чем. Украшения? Пожалуйста! Бутики? Вперед! В спортзал? Ради бога! Бассейн, массаж, косметолог, диетолог — да что угодно! Она была его божеством, его счастьем, которого он ждал всю жизнь.

И вдруг...

...Он уже представил Анжелику друзьям (строго говоря, их у него не было — так, приятели), которых собирался пригласить на скромную свадьбу. У мужчин горели глаза, когда они смотрели на его маленькую прелестницу, и ему хотелось смеяться вслух: я вас сделал, а, мужики?! Вы шептались за моей спиной — мол, старый я холостяк и у меня наверняка

проблемы, то ли с головой, то ли в трусах. А вот, наконец выкуси, я выиграл самый крутой приз!

Ну а женщины, натурально, кривили губы, и ядовитое облачко шепота плыло по его гостиной: «вульгарна, нет вкуса, слишком себя выставляет», тра-та-та...

Поэтому, когда одна из них, Магали, позвонила ему и сообщила, что видела его невесту в спорткомплексе с молодым мужчиной в весьма двусмысленной ситуации, Этьен ей не поверил.

— Ты отупел от любви, приятель, — хмыкнула Магали. — Но я не хочу, чтобы ты приобрел рога еще до женитьбы. Сам представляешь, как все наши будут над тобой издеваться. Сейчас они пускают слюни от зависти и будут счастливы, если ты облажаешься. Давай так: поезжай туда и собственными глазами посмотри. Она не особо шифруется: думает, что знакомых там нет, прятаться не от кого. И то правда, я почти случайно туда сегодня поехала. Вдруг подумала: что же я абонемент оплачиваю, а ходить не хожу. Надо хоть иногда... Короче, мужчина в спорткомплексе тренер. Какой именно, не знаю. Там и тренажерный зал, и фитнес, и бассейн с гимнастикой. Но ты его опознаешь без труда: высокий мускулистый блондин. И, кажется, русский. По крайней мере, мне послышалось, что говорили они между собой по-русски. Когда войдешь, посмотри направо: там, возле лифтов, есть что-то вроде портика, за которым коридор. Так вот, я их видела за одной из колонн этого портика... И знай, Этьен: я никому об этом не

расскажу. Реши проблему, как считаешь нужным, а на мое молчание можешь положиться.

Этьен онемел от услышанного. Судя по голосу приятельницы, усталому и грустному — не злорадному, нет, — она говорила правду. Он выдавил из пересохшего горла: «Спасибо, Магали», — и отключился.

На следующий же день Этьен поехал в спорткомплекс. И увидел. До портика даже не пришлось идти: Анжелика целовалась с блондином прямо у входа в комплекс. И целовалась так, что сомнений в природе их отношений не оставалось.

Ему, Этьену, Анжелика говорила, что он прекрасен. Что любит его тело. Он был мелковат и худоват — такой не слишком свежий тридцатидевятилетний пацан — и никогда не считал себя физически привлекательным; но она убедила его. Когда любишь человека, говорила она, любишь в нем все. Даже его недостатки. И Этьен поражался глубине этой мысли.

И еще она говорила, что влюблена в его душу. Благородную, редкую, возвышенную. Потому что для русской женщины, воспитанной на великой русской литературе, нет ничего важнее души. И он снова ей верил.

А у этого, с бицепсами, в теле вовсе не было места, где помещается душа. Там все мясом заросло. Но с ним она целовалась на глазах у всех посетителей спорткомплекса... Беременная ребенком Этьена... За неделю до их свадьбы...

Или ребенок от этого мясного тельенка?!

Он крадучись вернулся к своей машине. Она его не заметила.

Он спрашивал себя: куда ушла ее любовь, почему, отчего?

И когда?! Когда Анжелика успела его, Этьена, разлюбить?!

Ведь надо сначала одного разлюбить, чтобы потом другого полюбить... Ведь так?

Он промучился пару дней, пока неожиданно не осознал: да все куда проще! Она его, Этьена, никогда не любила.

Никогда.

Она ему лгала. Умело, искренне, красиво. У нее редкий талант лгуньи. Наверняка использовала его в жизни уже не раз...

Он отменил свадьбу. Выставил Анжелику из дома и сказал, чтобы забыла его адрес и телефон.

Она все-таки звонила. Плакала. Что-то плела — мол, он все неправильно понял.

Но что можно понять неправильно, когда мужчина и женщина втягивают губы друг друга? Счесть дружеским поцелуем?

Ту гору мускулов она, возможно, тоже не любила, но это Этьену было до фени. Он ей так и сказал. Дело не в ревности, сказал он, а во лжи.

А она все равно звонила. И говорила, что у них — у НИХ! — скоро будет ребенок. Но раз она врала о любви — могла и о беременности наврать. Тест — а кто знает, ее ли тест? Могла у какой-нибудь подруги

взять. Она лгунья, а такие отлично умеют обставлять свое вранье.

Последний раз она набрала его номер, чтобы сообщить: у них будут близнецы. Мальчишки.

Ложь, ложь, ложь.

На этот раз он послал ее очень резко. Грубо.

И больше она не появлялась в его жизни. Никогда.

А он сжал свое сердце в кулак и выдавил оттуда Анжелику, как гной из прыща. И, освободив свою душу от любви, заполнил ее работой. Карьера его, и без того отличная, взмыла ввысь с космической скоростью. Он работал днем и ночью, чтобы не оставить в мозгу даже крошечного места для мыслей об Анжелике.

Через год он женился на Магали. Она, по крайней мере, повела себя как настоящий друг.

Но он ее не любил.

Прожил он с Магали, не слишком понимая зачем, четыре года. Она хотела ребенка, он просил подождать: мол, пока не готов. Но Магали не дождалась. Ушла. «От тебя меньше проку, чем от новогодней елки. Как и ты, она мертвое дерево, но на нее можно хоть яркие гирлянды повесить и порадоваться. А ты безрадостный. Ты дохлый и тухлый», — сказала она на прощание.

Прошли годы. Его интересовала только работа. Его мозг жадно решал задачи, прокручивал схемы, составлял комбинации. Он мог бы стать великим шахматистом, но финансовые схемы приносили не

только интеллектуальное удовлетворение, а еще и бешеный доход. Великолепная награда за его блестящий ум. Не каждый поймет, но в этом был огромный кайф, который заменял все остальное, чего не имелось в его жизни. И утраченное счастье любви, и непознанную радость отцовства. По крайней мере, люди говорят, что быть отцом — это радость. А он ее не испытал. И не знал. Может, люди лгут. Может, нет. Какая разница? У него была своя радость: находить блестящие решения сложных задач и получать за это щедрое вознаграждение. Чего еще надо, собственно?

Так он жил и радовался своей жизни — а она взяла да кончилось. И оказалось, ничего у него нет. Ни одной близкой души. Через пару месяцев его не станет, и некому будет о нем пожалеть. На похороны придет множество разных людей, но среди них не будет ни одного, для кого его уход станет потерей.

Паршиво так умирать. Будто жизнь прожил напрасно.

Собственно, почему «будто»? Так и есть: напрасно. Денег заработал немерено — да куда их теперь? Он умирал на больничной кровати, времени у него было до отвала: впереди вечность, как говорится, — и целыми днями думал, пытаюсь хоть за что-нибудь зацепиться, чтобы ощутить смысл своего пребывания на земле. Зачем жил-то? Что после себя оставил?

Во всем виновата подлая Анжелика. Это из-за нее он отказался жить и любить. Она отравила его мозг своим враньем...

Она была столь прекрасна, эта лживая сука. Она была столь прекрасно лжива. Если бы у него сейчас оставалось время — и силы, конечно, — он бы ей отомстил. Он бы наказал ее за свою разрушенную жизнь!

Но на больничной койке не повоюешь...

И вдруг Этьен вспомнил о беременности Анжелики. А если она все-таки...

В конце концов, он же с ней спал! Значит, Анжелика вполне могла залететь от него. А тот, гора мышц, — еще не факт, что у него гора сперматозоидов наличествовала!

Анжелика сказала тогда, что все равно будет рожать. Близнецов. Если не солгала. Но если все-таки сказала правду, то и родила двух пацанов. Которые, возможно, его сыновья!

Почему он тогда не поверил? Ведь все могло вернуться иначе. Если это были его мальчики, жизнь наполнилась бы смыслом...

Но как он мог поверить, когда она все время лгала? Она наговорила ему столько красивых слов — таких важных, глубоких, умных, — что из них выстроился радужный замок счастья, в котором он блаженствовал несколько недель. И от одного ее поцелуя с тем блондином замок рухнул. Растаял, развеялся, превратился в едкий дым. Оставил его, Этьена, растерянного и убитого, посреди обломков лжи. Как же он мог ей поверить, спрашивается?! А генетические экспертизы в то время еще не делали... Да и признай он тогда мальчишек, Анжелика бы все эти годы

тянула из него деньги. Ведь ясно же, для чего она с ним, с Этьеном, сошлась. У нее был спортсмен-любownik, а он, «старый мальчик», интересовал ее исключительно в качестве кошелька!

Этьен застонал от до сих пор не утихшего унижения и повернулся на левый бок. Так меньше ныло в животе.

Да, мальчишки. Если они и в самом деле были. Если и вправду их двое. Если Анжелика не сделала аборт. Если родила. И в особенности если это его дети...

Его сыновья?!

А ведь он мог бы разыскать их уже давно. И анализ ДНК сделать. И уже бы знал правду... И оставил бы им сейчас все, что заработал, накопил. И тогда его жизнь, его богатство, приобрели бы смысл: он завещал бы плоды своих блестящих трудов сыновьям!

Злая ирония ситуации заключалась в том, что, если бы не рак, не больничная постылая койка, он и не вспомнил бы о них. Но тут, видите ли, своей жизни смысл придать захотелось. А дети — разве это не смысл?

И Этьен вдруг понял, что важнее дела у него никогда не было. За всю его долгую жизнь, от которой теперь остались, по прогнозам врачей, лишь пара месяцев, и то в лучшем случае.

Он нажал кнопку вызова. Когда медсестра явилась, распорядился привести врача. А тому велел найти нотариуса, самого лучшего, способного разы-

скать наследников... Потому что он желает незамедлительно составить завещание.

Нотариус явился на следующее же утро, и Этьен Пасье рассказал ему все. Никогда бы, никогда не посвятил бы он постороннего в подробности своей жизни, и в особенности своих неудач! Но близкая смерть меняла привычки и ценности. Самолюбие — пшик, прах, цена ему не больше гнилого яблока или раздавленной улитки, попавшей под каблук после дождя. Этьен рассказал нотариусу все без утайки, не щадя ни себя, ни Анжелику. На кону стояло спасение его жизни от бессмысленности и ничтожности. Если это его сыновья, то...

*Notre Père, qui es aux Cieux,
Que ton nom soit sanctifié,
Que ton règne vienne...*

Бывший скаут, он не забыл слова «Отче наш».

* * *

— Зовут его Этьен Пасье, — продолжал Реми, — он тяжело болен, практически при смерти. Нотариус рассказал мне его историю вкратце. Когда-то у него был роман с русской девушкой. По паспорту она Анжела, но представилась ему Анжеликой.

— Тогда у всех еще были свежие впечатления от эротического фильма про Анжелику. «Анжелика, маркиза ангелов» и далее, — хмыкнула Ксюша. — Наверняка она потому так и назвалась.

— Не исключено, — согласился Реми. — Как бы то ни было, он влюбился. И собирался на ней жениться. Однако она ему изменила. Этьен, узнав об этом, разорвал с ней отношения незадолго до свадьбы. Анжелика умоляла ее простить, утверждала, что забеременела от него, причем близнецами, мальчиками, но Пасье ей не поверил, ведь она обманщица и лгунья. Однако сейчас, в думах о смерти, он решил проверить: а вдруг она сказала правду и близнецы действительно существуют. Позвал нотариуса, объяснил ситуацию и поручил разыскать этих парней. Им теперь должно быть по двадцать восемь лет — если они и впрямь существуют, конечно. Он предоставил полную информацию об Анжеле Багировой: ведь он собирался жениться, отдал ее документы на перевод для подачи заявления в мэрию. Видишь, как интересно: бракосочетание он аннулировал, но все данные этой женщины запомнил... На всю жизнь. Любил ее сильно, видать.

— Или сильно страдал. Боль тоже не забывается.

Реми посмотрел на жену. Хорошо сказано, точно. Он кивнул, соглашаясь.

— Так вот, нотариус нанял генеалога, — продолжал Реми, — и тот собрал о ней максимум информации. Для начала откопал ее следы во Франции: спустя десять с лишним лет после разрыва с Этьеном она вышла замуж за некоего месье Франсуа Дюваля. Его фамилию присоединила к своей и стала мадам Анжела Багирова-Дюваль. И, внимание, интересный факт: месье Дюваль усыновил ее двух сыновей-двой-

няшек. Им было в то время по десять лет, сечешь, Ксю? Даты сходятся: это те самые близнецы, в существовании которых усомнился Этьен Пасье. Они носили фамилию матери, Багировы, поскольку в графе отец стоял прочерк. И стали, как мать, Багировы-Дюваль. Микаэль и Даниэль.

— Интересно, почему мать дала им французские имена? Ведь в момент их рождения она не была замужем за французом, как я понимаю.

— Нет, во Франции никакого брака до Дюваля не зарегистрировано.

— Возможно, мальчики звались Миша и Данила... При усыновлении в соответствующей службе предложили дать детям французские имена, тут ведь так делается. И Анжелика охотно согласилась. Она ведь смолоду рвалась во Францию. С Этьеном не вышло, зато получилось с другим. Спустя десять лет. И что она делала все эти годы? Чем занималась, где жила?

— Трудно сказать. Гражданства у нее не имелось, пока она не получила его в связи с замужеством. Значит, если она и приезжала во Францию, то только по туристической визе.

— Конечно, приезжала, а то как бы нашла себе мужа! Кто он такой, кстати?

— Винодел. Богатый человек, ему принадлежали виноградники в Бургундии. Он был намного старше ее.

— *Принадлежали?*

— Да, он скончался около пяти лет назад. Мадам унаследовала большое состояние и, похоже, верну-

лась в Москву. Во всяком случае, генеалог обнаружил ее следы там.

— Странно. Она ведь так упорно рвалась во Францию. Даже после разрыва с Пасье нашла себе мужа-француза. И с чего бы ей возвращаться в Москву?

— Думаю, она к тому времени получила все, к чему стремилась: французское гражданство и большие деньги. А в Москве жить с большими деньгами, как заметил Кис, куда веселее.

— Ты уже и Алешу подключил?

Ксения избегала называть мужа своей старшей сестры «Лешей» во Франции, поскольку «лё ша» — это по-французски кот. Существуют, конечно, мужчины-котики, но Алексей Кисанов не из их числа.

— А мне до сих пор не рассказал? — продолжала она. — История — готовая завязка для романа!

— Я Алексея не то чтоб подключил... Тут вот как вышло: обычно нотариус связывается с коллегами в другой стране, и все дальше идет через тамошнюю нотариальную палату. Но господин Пасье заявил, что завещание пока писать не станет, — хочет сначала получить максимум информации об этой женщине, Анжелике, и ее сыновьях. Выяснить, его ли дети. Поэтому нотариус обратился ко мне. Я с ним уже работал — мэтр Бонфис, помнишь? — и он обо мне высокого мнения. Хотя в данном случае он ценит, скорее, тот факт, что у меня есть русская жена и связи в России. Ну а я попросил Алешу.

— Вот, и мне ничего не сказал! Я б уже полромана написала!

— Ждал, пока обнаружим их следы. Роман ведь не может состоять из одной главы, а, писательница моя? Нужна не только завязка, но и развязка!

— Очень остроумно. До развязки вам с Алешей еще далеко, можешь не сомневаться!

— Это почему еще?

— Ну как же, ведь парни ему ответили: «Наш отец умер три года назад».

— Ты ведь не слушала меня!

— Не слушала, — согласилась Ксения. — Но слышала. Так бывает.

— У тебя одной, подозреваю. Ты талант. — Реми поцеловал жену.

— А отчим, ты только что сказал, — не отвлеклась Ксюша на мужнин поцелуй, — скончался пять лет тому назад. И родного отца они не знают, поскольку в их метрике стоит прочерк. Значит, в сюжет кто-то еще затесался. Тот, кого они считают отцом. Или он и вправду отец.

— До чего умная у меня жена!

— Более того, скажу я тебе, там ведь любовник наличествовал, в истории этой. Может, он и есть отец? И знают ли об этом парни?

— Восхищен. Преклоняю колена, — рассмеялся Реми.

Ксюша вскочила, захлопала в ладоши.

— Классная история! Когда в Москву летим?

Увлечение Ксюши расследованиями Реми устраивало: теперь ему редко приходилось оставлять ее в одиночестве. И она не скучала, и ему веселее. К то-

му же у милой женушки голова работала отлично, и ее соображения нередко оказывались весьма ценными.

— Пока не знаю. На днях.

— И я родителей увижу... И Сашку... И Лешу... И племяшек... — Она мечтательно оглядела потолок.

— Да ладно, — насупился Реми, — будто ты просто так съездить к ним не можешь! У тебя муж Синяя Борода, он тебя не пускает?

Ксюша взлетела с дивана, обняла Реми за шею и закружилась с ним по комнате.

— У меня лучший муж в мире! Поэтому мне не хочется оставлять его одного!

— Я все понял. Ты ревнуешь. Я такой прекрасный и классный, что ты опасаясь, как бы меня не соблазнили какие-нибудь левые девицы.

— Дурак, — шутливо обиделась Ксюша. — Я сама прекрасная и классная!

Реми знал это русское слово, «дурак», и оно у него неизменно вызывало приступ смеха. Иногда он в ответ тоже называл ее «дурак», но Ксюша не собиралась исправлять ошибку и подсказывать мужу слово в женском роде. Почему-то слово «дурак», произнесенное шутливо, звучит вполне прикольно; но «дура»... Как ни произнеси, а все грубо. По крайней мере, так ей казалось.

— На днях? А точнее нельзя?

— Вот навестим больного, он просил приехать к нему, и тогда решим. Но скоро, Ксю. Дело срочное, человек ведь при смерти...

Врач предупредил: говорить следует тихо, любой громкий звук режет слух больному.

Реми с Ксенией вошли в палату. Этьен Пасье сидел на кровати с поднятым изголовьем. Он был сер и чрезвычайно худ: страшный диагноз отпечатался в его облике.

— Бонжур, месье Пасье, — поприветствовал его Реми.

— Присядьте, — Этьен слабо махнул рукой, указывая на кресло и стул возле кровати. — Мэтр Бонфис хвалил вас, — он посмотрел на Реми. — А вы, значит, русская... Будете помогать супругу разбираться во всех тонкостях русского языка и менталитета? — перевел он взгляд на Ксюшу.

Ксения кивнула. Хотя помогать она станет отнюдь не одна: Алексей Кисанов тоже был частным детективом. И всегда приходил на помощь Реми, если ниточки его расследований вели в Россию. И, *vice versa*¹, Реми помогал Леше, когда дело касалось Франции. Они давние друзья. Собственно, Ксюша и Александра познакомились с друзьями-сыщиками одновременно, и одновременно же завязались два романа... Хоть и развивались они совсем неодинаково². Однако пришли в итоге к общему знаменателю: Сашка замужем за Лешей Кисановым (которого близкие зовут Кис), а Ксюша — за Реми Деллье.

¹ *Vice versa* — наоборот (*лат.*).

² Читайте роман Татьяны Гармаш-Роффэ «Шантаж от Версаче».

— И как вам живется в браке с французом? — неожиданно спросил Этьен, и его взгляд сделался колким, неприязненным.

Видимо, давняя история с изменницей оставила в его душе фантомные боли, подумала Ксюша. Так бывает после ампутации: ноги уже нет, а она все болит.

— Хорошо нам живется, — лучезарно улыбнулась она. Не вступать же в дебаты с умирающим.

Этьен прикрыл впалые глаза. Помолчал.

— Я несколько раз менял свое решение насчет завещания. Но в конце концов понял, что не смогу вообще принять какое бы то ни было решение, пока не узнаю...

Он умолк, не договорив, и снова прикрыл глаза. Реми и Ксения подождали, но Этьен все молчал.

— Вы хотите узнать точно, ваши ли это сыновья? — решил помочь ему Реми.

— Разумеется, — Этьен посмотрел на него как на недоумка. — Но мне нужно узнать еще много, очень много. И что это за мужчина, которого они считают своим отцом. Делался ли тест на отцовство. И об их матери... Я хочу, чтобы вы собрали максимум информации о ней. Как она жила с тех пор, как мы расстались. Кому еще жизнь сломала. А она непременно сломала, иначе никак, — она ведь отменная лгунья, обязательно кого-то еще одурачила...

Глаза его закрылись. Ксения с Реми переглянулись: уходить? Ждать?

— Я не сплю, — вдруг проговорил Пасье. — Просто устал... А генетический анализ сделайте в первую очередь. Если братья откажутся, то тайком. Это запрещено, наверное, но вы придумайте, как сделать. Обо мне много не говорите, только что я когда-то любил их мать и теперь подумываю о завещании в их пользу. И что я богат. Скажите, что деньги мне все равно оставлять некому, может, им завещаю, даже если они не мои дети... Надо, чтобы они заинтересовались предполагаемым наследством — тогда станут разговорчивы... Я хочу не только об их матери узнать — о них тоже: что за люди выросли. Фотографии их пришлите — те, что мне показывали, из интернета, слишком мелкие. Это пока все. Остальное по ходу. Мне отчеты каждый день по скайпу. Портатбль у меня всегда под рукой, — и он погладил иссохшей рукой крышку дорогого ноутбука, лежащего рядом с ним на кровати.

Они распрощались. Выйдя из палаты Этьена Пасье, Реми произнес:

— Похоже, он надеется найти какой-то компромат на свою бывшую пассию.

— Не компромат, — не согласилась Ксения. — Зачем он человеку, у которого жизнь заканчивается? Тут другое, мне кажется: Этьен хочет доказать самому себе, что поступил тогда правильно, изгнав Анжелику из своей жизни. Женщину, беременную двумя мальчишками, которые могут оказаться его сыновьями... Умирать, думая, что ошибся, что поступил опрометчиво, что из-за ревности и раненого

самолюбия лишился семьи, сыновей, — это, наверное, страшно. Ему нужно, чтобы мы нашли доказательства правильности того решения, которое он принял почти тридцать лет назад. Так я думаю.

Реми поцеловал жену. Ну не умница ли? Если она когда-нибудь допишет свой роман, то наверняка он окажется хорош. Ксюша научилась улавливать чувства людей, читателям это будет интересно.

МОСКВА

Они договорились с Этьеном держать связь по скайпу, на чем и расстались. Билеты в Москву — Ксюша посмотрела в интернете перед поездкой в больницу — наличествовали на послезавтра, и она немедленно купила их. Реми созвонился с Алексеем, сообщил время и рейс.

И спустя день они уже обнимались в Шереметьево.

Ксюха совсем не изменилась, оценил Кис, такая же юная и хорошенькая. А Реми сдался моде и отрастил небольшую бородку, которая ему очень шла. Красивая пара, радуется глаз. И любимые люди, что радуется душу.

— Останавливайтесь у нас, — заявил он, укладывая их легкие чемоданы в машину.

— Нет, Леш, — не согласился Реми. Между собой они общались на английском, хотя чаще им переводила Ксения. — Удобнее для всех, если мы поселимся в гостинице. Тем более что клиент платит.

— Саша велела вас ни за что не отпускать! И родители приедут.

Сама Александра встретить их в аэропорту не смогла, была занята в редакции, но вечером, естественно, рассчитывала на семейные обнимашки.

— Конечно, Алеш, едем к вам, — согласилась Ксения. — А вечером заселимся в отель.

— Ну уж нет, — не сдался Кис. — Переночуете у нас. Дети уже нарядились по такому случаю, Саша полресторана заказала на дом, мама ваша с пирогом едет... В общем, готовьтесь к семейному торжеству.

Ксюша плакала, обнимая сестру; плакала, обхватив за плечи родителей; плакала, целуя нежные щечки своих маленьких племяшек. Плакать она перестала только тогда, когда пришлось встать на цыпочки, чтобы поцеловать старшего племянника Романа. Наверное, потому, что на цыпочках плакать неудобно.

Как она соскучилась по семье! И не только по людям, а по самой атмосфере радостного единения, щедрого душевного тепла, взаимной любви. Такие семьи — большая редкость. Во Франции особенно, но в России тоже не на каждом шагу встречаются. Ксюша не забыла с детских лет, с какой радостью и облегчением возвращалась от подружек, «из гостей», домой — туда, где все друг друга любят. Где не кричат, не приказывают, не называют обидными словами — где ласково обнимают и все мягко, понятно объясняют. Не припоминалось ни одного родительского запрета, который вызвал бы в ней протест. Родители обосновывали каждое решение так, что становилось очевидно: оно правильное и разумное.

И Александра, старшая сестра, подтверждала: память ее не подводит, так все и было.

Весь вечер она упивалась общением с семьей. Слушала и не слушала, отвечала по существу или откликнулась невпопад — она просто наслаждалась прекрасными лицами своих близких, их чудными голосами; она смеялась, играла с племянками, общалась с постаревшими родителями (от чего щемило сердце...) — она была счастлива.

Ближе к полуночи они все-таки отправились в гостиницу. Реми забронировал «Новотель»: он хорошо знал эту французскую сеть, ценил ее за стабильное качество, одинаково хорошее в любом городе, поэтому и выбрал его с ходу. И расположен он был удачно, рядом с центром, на Новослободской.

Алексей поехал с ними и остался ждать внизу, в холле. Поставив чемоданы в номер, Ксюша с Реми, несмотря на поздний час, спустились в бар, чтобы обсудить план действий.

Впрочем, «план» — это громко сказано. Для начала следовало познакомиться с братьями, чтобы понять, как действовать дальше. Выполнить просьбу умирающего будет непросто: с какой стати эти взрослые люди, об Этьене Пасье до сих пор не слышавшие, примутся откровенничать с сыщиками? Однако у последних имелся определенный простор для маневра, и все согласилось в одном пункте: главное, дать понять потенциальным наследникам, что сумма по завещанию может оказаться серьезной.

Даже если они живут безбедно, деньги лишними не бывают. Тем более для продюсеров телевизионных сериалов (Кис собрал доступную информацию через интернет и выяснил, чем молодые люди занимаются).

— Их фотки у тебя в телефоне? — спросила Ксюша, потягивая коктейль.

— Да. Показать?

Она кивнула, и Кис открыл в телефоне снимки.

— Приятные лица, — заметил Реми.

— Это Микаэль? — спросила Ксюша. — А рядом Даниэль?

— Наоборот, — ответил Алексей.

— Совсем непохожи.

— Ну так они же двойняшки, то есть двуйцевые близнецы. Как твои племянники, между прочим, — заметил Кис.

— Ну что ты мне объясняешь, будто маленькой девочке! Я не просто так заговорила про сходство! — запальчиво произнесла Ксения.

Она несколько терялась перед Алексеем Кисановым. Если в глазах мужа она уже завоевала статус сыщицы, то Леше еще предстояло его доказать. Из-за чего у Ксюши было ощущение, что он взвешивает каждую ее мысль, каждое слово, словно экзаменатор. Это страшно мешало ей сосредоточиться, и Ксюша сердилась на себя за глупую робость.

— Вообще-то ты заговорила про несходство, — усмехнулся Кис. — И почему тебе это кажется важным, моя дорогая взрослая сестренка? Упс, это ты

Сашке сестренка, вот и я туда же. Как правильно сестра жены называется?

— Что-то похожее на яичницу, — поморщилась Ксения. — Обойдемся без нее. Зови сестренкой, очень даже мило... Тут дело вот в чем, Алеш. Реми, посмотри ты тоже. Вам не кажется, коллеги... Сложно, конечно, судить, Этьен ведь стар и болен, сильно изменился... Но давайте попросим его фотку в молодости.

— Ты находишь, что один из парней похож на нашего заказчика?

— Даниэль, — кивнула Ксения.

— Я сходства не вижу, если честно... Снимки из интернета не слишком четкие, — произнес Кис.

Реми без лишних комментариев открыл скайп в смартфоне и написал Этьену Пасье, попросил прислать фотографии в молодости. К их удивлению, несмотря на поздний час, Этьен ответил сразу же: «В этом ноутбуке нет, завтра попрошу секретаря найти и переслать вам».

Никакого вопроса он не задал, по всей видимости, понял, что на уме у сыщиков.

— Я договорился с братьями на десять тридцать утра. После двенадцати им нужно ехать на работу, так что у вас будет полтора часа на общение. Ребята, я вам понадоблюсь? Дело ведете вы, я просто посредником на начальной стадии выступил...

— Было бы лучше с тобой, — ответил Реми. — Ты тут живешь постоянно, нюансы тебе понятнее.

— Согласен. Но три человека — это много. Психологически грузит.

— Скажете, что я переводчица, — предложила Ксения.

— Так они ведь выросли во Франции. Небось лучше тебя по-французски говорят, — заметил Реми.

— Точно, — не обиделась Ксюша. — Люди, которые попадают в страну до двенадцати лет, становятся стопроцентными носителями ее языка. Даже акцента не остается... Кис, а давай ты придешь, как этот самый посредник. Представишь нас. А там слово за слово — и засидишься в компании!

— Ладно, — кивнул Алексей. — Дальше по ходу станет ясно, уходить мне или остаться. Тогда завтра я за вами заскочу без четверти десять. Тут езды на двадцать минут, но с московскими пробками... Так что в девять сорок пять.

День первый

Москва сверкала и искрилась под утренним солнцем столь ослепительно, словно не городом была, а морской гладью. Ксюша, любившая докапываться до причин и истоков, задумалась: что не так? В Париже в погожий летний день солнце тоже заливает улицы, однако такого эффекта нет... Думала она недолго и разгадку нашла: а потому, что в Париже улицы узкие! Тени куда больше от домов и деревьев, оттого и нет впечатления ослепительной *гладю*. А в Москве улицы широкие, открытые небу, — вот в чем секрет.

Она поделилась этим соображением с мужем и с Алешей, и всю дорогу до Красной Пресни они сравнивали два города, перейдя постепенно от темы интенсивности солнечного освещения к вопросу о собачьих кашках на тротуарах.

Квартира братьев находилась в престижной новостройке недалеко от сталинской высотки. Точнее, как обнаружилось позже, у них имелись две квартиры на одном этаже, у каждого своя. Путь от лифта в общий коридор преграждала дверь, а возле нее находились три звонка, двум из которых соответствовали синие с золотыми буквами таблички «Багиров-Дюваль Микаэль» и «Багиров-Дюваль Даниэль». Третья синяя табличка была пуста.

— Добрый день! Проходите, пожалуйста, — открыл им Микаэль, которого сыщики узнали по фотографиям. — Вот сюда, — указал он на распахнутую дверь первой из квартир.

Гостиная была огромной. Большие окна беспрепятственно впускали солнечный свет, грея теплое дерево паркета (вот бы по нему босиком, подумала Ксения), и квартира казалась радостной, воздушной. Лето в Москве примерно такое же, как в Париже — разница в климате проявляется лишь в холодные месяцы, — так что Реми с Ксюшей из своей солнечной, хотя и маленькой парижской квартиры попали в солнечную московскую. Два кожаных темно-синих пятиместных дивана в форме буквы «Г» стояли

друг напротив друга. Между ними низкий длинный стеклянный стол. Однако комната не казалась загроможденной, поскольку в ней еще оставалось много места. Вдоль стены располагались стеллажи с аудиовидеотехникой, большим экраном, некоторым количеством книг, а в нише помещалось нечто заковыристое в качестве декора — то ли скульптура, то ли ваза.

Дизайн дополнял крупный белоснежный кот с зелеными глазами, сидевший на спинке одного из диванов столь неподвижно, что его тоже можно было принять за статуэтку.

— Мы часто проводим деловые обсуждения дома, — пояснил хозяин, — какой-нибудь мозговой штурм нового проекта. Поэтому тут так много сидячих мест, — улыбнулся он. — Да, кстати, я Микаэль. Старший из братьев, — он улыбнулся, — на целых двадцать минут. А вы... Дайте угадаю. Вы, разумеется, Ксения Деллье. Реми Деллье... — и он перешел на французский: — *C'est vous, n'est pas?*¹ Ну и вы Алексей Кисанов. Я не ошибся?

— Верно. Это я говорил с вами по телефону.

Неожиданно распахнулась входная дверь.

— А вот и Дани, — Микаэль повернулся в сторону открывшейся двери.

Процедура представления повторилась.

— Ну, и наш кот Филу. Любимец и талисман. Красавец, а?

¹ Это вы, не так ли? (*фр.*)

Все закивали. Начало было легким и приятным. Хорошо бы так пошло и дальше.

Микаэль предложил напитки, но сыщики дружно отказались. Они с утра позавтракали, и теперь терять время не хотелось.

Ксюша рассматривала братьев. Да, они не были похожи. Оба шатены, хотя Даниэль посветлее. У Микаэля над левым ухом белая прядь. Маленькая такая прядка, будто кисточкой мазнули. Непонятно, то ли седой клочок, то ли блондинистый. Глаза у них тоже разные: у Микаэля карие, а у Даниэля каре-зеленые, «ореховые», как называют этот цвет французы. Старший брат под метр восемьдесят, младший на несколько сантиметров ниже. Телосложением схожи — нормальные парни, без лишних килограммов, равно как и без лишних бугров мышц. Еще их роднили обаятельные, открытые улыбки. То есть они кажутся открытыми, уточнила мысленно Ксюша, хорошо знавшая, как распространена эта масочка «простого хорошего парня» в современных деловых кругах на Западе вообще и во Франции в частности. Позволить себе высокомерие и снобизм, как еще совсем недавно их отцы, сегодняшние бизнесмены не могут: растеряют всю клиентуру. Нынче, чтобы стать успешным, нужно быть демократичным, «своим парнем» для коллег и клиентов.

— Мы должны принести вам извинения, — вежливо заговорил Микаэль, когда они уселись на синие диваны и Филу, недовольно фыркнув, соскочил со

спинки и гордо удалился из комнаты, задрвав хвост большой белой свечой, — за то, что не смог сообщить вам это заранее, до вашего отлета из Парижа...

— «Это»? — приподнял брови Реми.

— Боюсь, вы прилетели напрасно. К сожалению, мы только сегодня утром сумели переговорить с нашей матерью. Она сейчас на курорте, проводит медовый... — неожиданно Микаэль посмотрел на брата и запнулся. — Она сейчас отдыхает, — продолжил он, решив, видимо, не вдаваться в подробности о «медовом», — а связь на островах не всегда хорошая... И выяснилось, что мама категорически против генетического теста.

Братья смотрели на сыщиков в ожидании ответа, но и те молчали, будто ждали продолжения. На самом деле это прием такой, который они отлично знали, даже Ксения его усвоила: чем больше молчишь ты, тем больше говорит собеседник. Паузы по каким-то психологическим причинам людьми плохо переносятся, и они норовят заполнить лакуны в разговоре своей речью. Все это происходит подсознательно, разумеется, но действует почти безотказно.

Сработало и на этот раз.

— Нам правда очень жаль, — продолжил Микаэль, — но маму можно понять. Долгое время в наших метриках был прочерк. Мы ничего не знали об отце: на все вопросы мама отвечала, что не желает рассказывать о мужчине, который нас бросил. Потом нас усыновил мамин муж, месье Франсуа Дюваль, но мы знали, что нам он отчим. И вот, около трех

лет назад, мама представила нам отца... Незадолго до его кончины. Он нашел нас, когда тяжело заболел, попросил о встрече. Прямо как этот ваш клиент. Хорошие отцы вспоминают о своих детях только под страхом смерти, — и Микаэль саркастически усмехнулся. — Но мы согласились на встречу. Он умолял простить его...

— И мы простили, — широко улыбнулся Даниэль. — Нам это далось легко, обиду мы не хранили. Знаете, у нас было совсем неплохое детство, хоть и без отца. До десяти лет мы жили с бабушкой и с мамой, потом она вышла замуж за Дюваля и забрала нас во Францию. Отчим нас не только усыновил, но и реально заменил нам папашу, который не желал слышать о нас, пока одной ногой не ступил в ад.

— Как бы то ни было, Олег Николаевич, наш родной отец, разыскал маму, и она нас познакомила, — вернул себе инициативу Микаэль. — Если мы сейчас согласимся на тест, это будет выглядеть как недоверие к маме. *Оскорбительное недоверие*, так она сказала.

«Ну да, разумеется. Делать тест — значит, усомниться в словах матери. То есть предположить, что она солгала, назвав этого человека их отцом», — подумал Реми.

«Если они согласятся на тест — значит, допускают, что мать либо им намеренно солгала, либо... Либо сама не знает, от кого у нее дети! А раз так, то, выходит, она спала с обоими мужчинами в одно и то же время, отчего и не знает... Совсем не лестно для

репутации матери! Потому она и воспротивилась», — подумала Ксения.

«Похоже, ей есть что скрывать. Иначе бы махнула рукой: вам надо? Делайте! Но вместо этого она возмутилась: «оскорбительное недоверие», ишь ты. Прикрылась им, как фиговым листочком, — подумал Кис. — А ведь Этьену Пасье она в свое время пыталась этих детей навязать, уверяя, что беременна от него...»

В этот момент у Реми тренькнул мобильный. Он посмотрел на дисплей, потом на Алексея и Ксюшу.

— Нам необходимо посоветоваться, — поднялся Кис. — Мы не ожидали такого поворота, все-таки речь о наследстве... Позвольте нам отлучиться на пять минут.

И он, кивнув команде, вышел в коридор.

— Показывай, — указал он на мобильный Реми.

— Как ты догадался? — усмехнулся тот.

— Ну, во-первых, мы эту фотографию ждем. Во-вторых, по выражению твоего лица.

Реми, усмехнувшись в ответ, молча повернул экран к остальным. На них смотрел Даниэль. То есть молодой Этьен-отец и Даниэль были похожи настолько, что сомнений не оставалось: это его сын.

— Поскольку братья двойняшки, то, выходит, оба от Этьена Пасье. А Микаэль похож, наверное, на мать, — тихо произнес он. — У нее есть аккаунты в соцсетях с кучей фотографий, но, подозреваю, там такой фотошоп, мама родная не узнает.

— А у парней ее портретика нет, — заметила Ксения. — У них вообще никаких фотографий нет. Только постеры разные.

— Давайте сделаем вид, — прошептал Алексей, — что мы смирились с отказом и уходим.

— Но месье Пасье сказал, что настаивать необязательно, он все равно готов завещать им... — начал было Реми.

— Я хочу их подразнить. Подыграйте мне. Пусть они пожалеют, что наследство уплывает из рук: так они будут потом покладистее. И, Ксюша, срочно выполняй свою миссию, нам пора уходить. Фотография фотографией, но тест нужен.

Они вернулись в гостиную.

— Мы понимаем вашу позицию и относимся к ней с уважением, — произнес Реми. — Раз вы считаете, что тест делать не надо...

— Прошу прощения, — поднялась Ксюша, — могу я воспользоваться вашим туалетом?

— Разумеется, — ответил Микаэль. — Это вон туда по коридору... Пойдемте, я вам покажу.

Он вернулся через несколько секунд, и Реми продолжил заверять братьев в своем понимании и вообще лучших чувствах, стараясь дать Ксении побольше времени.

В ванной корзины с грязным бельем не оказалось. Это был неприятный сюрприз: они единогласно решили, что лучше утащить какой-нибудь грязный но-